

Е. В. Журавлева

Московский городской педагогический университет (МГПУ), Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-4412-0843

E-mail: Ekatwit745@gmail.com.

Специфика невербальной составляющей в политической коммуникации (на примере российских телепередач)

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется невербальная составляющая общественно-политического публичного общения на материале политической телевизионной коммуникации. Автор рассматривает ряд вопросов, связанных с особенностями влияния на слушателя невербальной составляющей в политической среде в контексте медиадискурса. В частности, вычленяются элементы невербальных способов общения, они классифицируются как с точки зрения типов невербалики (кинесика, окулесика, мимика и т. п.), так и с точки зрения их значения в данном контексте. Последнее сопоставляется со значением, отмеченным в словарях жестов, невербалики. В качестве материала исследования были выбраны видеофрагменты современной русской телевизионной коммуникации, а именно интервью политических лидеров и телеведущих. Методологически автор опирается на достижения и категории лингвистической семантики, прагматики, теории речевых жанров, теории текста. Целью текущего исследования является выявление мотивации использования говорящим тех или иных невербальных единиц, их влияния на адресата, а также сравнение восприятия жестов, демонстрируемых участниками политической дискуссии, вне политического дискурса. Анализ результатов показал, что политики демонстрируют целый набор жестов и мимических реакций, который отличается от повседневной бытовой коммуникации. В рамках политического дискурса прагматический, социальный и эмоциональный компонент формируют профиль коммуниканта, что позволяет говорить о его персональном идиостиле. Таким образом, образ, который закладывает коммуникант, влияет непосредственно на собеседника, сознательно манипулирует им. Это позволяет говорить об эффективной коммуникации, которой способствуют невербальные знаки в их совокупности. Воздействуя прагматически, данные составляющие формируют имидж политика, который он использует в прагматических целях в контексте политического дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика; медиалингвистика; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; языковые средства; политический дискурс; политическая лингвистика; политическая коммуникация; невербальная коммуникация; российское телевидение; телевизионная коммуникация; публичное общение; политические деятели; телеведущие; лингвистическая семантика; интервью; политическая риторика; речевые жанры; речевая деятельность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Журавлева Екатерина Витальевна, аспирант, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет (МГПУ); 105064, Россия, Москва, Малый Казенный пер., 5Б; e-mail: Ekatwit745@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Журавлева, Е. В. Специфика невербальной составляющей в политической коммуникации (на примере российских телепередач) / Е. В. Журавлева // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 33-41. — DOI 10.26170/pl20-06-04.

1. Еще во времена Античности люди обратили внимание на то, как слово способно влиять на человека и даже подчинять своей воле. Соответственно, основной целью ораторов было овладение искусством красноречия. Риторика зародилась в Древней Греции, демократия которой была ориентирована на активное участие всех граждан в социально-политической жизни страны. С помощью живого слова человек мог убедить в своей правоте и противостоять оппоненту, защитить свою честь и доказать вину другого, способствовать успешному решению и выиграть дело, повести войска за собой и т. д. Для целей настоящей статьи важно отметить, что уже в античных пособиях по риторике было наглядно показано, что успех оратора обеспечивают жесты, мимика, осанка, телодвижения, дыхание, голос в совокупности (Аристотель). Таким образом, появив-

шаяся более 25 веков назад риторика стала проводником к ораторскому мастерству и не утратила своей актуальности и в наши дни.

В фокус исследований 90-х г. XX в. попал интерес к изучению политической коммуникации. Исследователи того времени создали ряд работ, посвященных политическому дискурсу, которые и стали основой для новой, антропологической лингвистической парадигмы. Политическая лингвистика возникла на пересечении лингвистики и политологии, очертила круг своих интересов, а также наметила перспективу дальнейшего развития. Современная политическая лингвистика охватывает все приоритетные векторы современного языкоznания, поскольку тесно связана с такими лингвистическими направлениями, как социолингвистика, функциональная стилистика, исследования публицистического стиля, классическая и

© Журавлева Е. В., 2020

современная риторика, когнитивная лингвистика и лингвистика текста.

Современное состояние изучения политических текстов позволяет говорить о сложившемся направлении в современной лингвистике, которую называют «политическая лингвистика» и которая занимается рассмотрением различных особенностей — языковых, перлоктивных, композиционных и т. п. — текстов, создаваемых в рамках политической коммуникации (заявления, манифесты, речи политиков и государственных деятелей, аналитические статьи, политическая публицистика). Предметом исследования политической лингвистики является политическая коммуникация, т. е. «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2006: 8].

Результаты, полученные в лингвистических исследованиях, позволяют получать знание о состоянии общества и его политических сил, которые могут быть полезными в практическом политическом анализе и в политологических обобщениях, что позволяет говорить о возникающей на стыке наук дисциплине — «лингвополитологии» [Борисова 2015: 29]. Согласно А. П. Чудинову, предметом исследования политической лингвистики является политическая коммуникация, т. е. «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2012: 7]. Современная политическая лингвистика исследует общие проблемы коммуникации (отличия от коммуникации иных сфер), изучает жанровую проблематику, а также невербальную составляющую коммуникации. Одним из приоритетных направлений политической лингвистики является освоение отдельных политических концептов с точки зрения конкретного языка и его национальной культуры, сопоставительный анализ политической коммуникации различных стран. Дело в том, что любая вербальная и невербальная составляющая рассматривается в контексте данной ситуации с учетом целевых установок, политических взглядов, специфики восприятия данного сообщения зрителем и др. Именно это и позволяет реали-

зовывать дискурсивный подход. В. И. Карасик определяет дискурс как «личностно, культурно и ситуативно детерминированную коммуникативную практику» [Карасик 2015: 125]. В политических науках понятие дискурс рассматривают как коммуникативное воздействие политических субъектов, которое направлено на согласование их позиций и создание совместных целей. Политический дискурс иллюстрирует общественное мнение и выражение политической воли общества [Павлова 2012: 7]. О. Ф. Русакова определяет политический дискурс как «динамичную когнитивную решетку, выполняющую функции теоретического структурирования, моделирования, интерпретации и оценки феноменов политической жизни». Исследователь утверждает, что для полноты представления о политическом дискурсе важно принять во внимание интеллектуальный резонанс, который вызывает данный дискурс в определенной среде [Русакова 2012: 90]. Как социальное явление, управляющее основными сферами жизни человека, политику характеризует стремление создать устойчивые конструкции государственно-гражданских отношений. Политический дискурс обеспечивает систематизацию, функционирование и передачу политической информации. Политический язык служит для формирования политических и социальных идеалов, норм и ценностей, фиксирования практики власти и политических идей, а также связи между властью и гражданами. Существование политического языка отражается в двух формах, а именно в вербальной (как разновидность обычного языкового общения) и в символической (язык условных знаков и сигналов) [Грищева 2012: 55]. Еще один источник для важной политологической (и лингвополитологической) информации связан с дискурсивными исследованиями. Политическая лексика вербального политического дискурса терминологична, специфичны и его грамматические и стилистические средства, в то время как невербальный политический дискурс отличается экспрессией, мимическим и жестовым поведением манипулятивного характера, в которых отражаются стереотипы социальных, гендерных, эмоционально-психологических сфер. Средства массовой информации несомненно являются более распространенными и влиятельными, судя по такому критерию власти, как количество реципиентов. Визуальный дискурс играет важную роль в публичной коммуникации. По мнению Тёна А. ван Дейка, его знаки лучше запоминаются и имеют убеждающий характер, а значит и власть [Ван Дейк 2013: 76].

Таким образом, основываясь на контекстной специфике ситуации, собственно языковые и экстралингвальные факторы воздействуют на знаковые вербальные и невербальные системы, проявляя модификацию прагматических значений и функций. Относительно семиотического пространства политического дискурса можно отметить неоднородность задействованных в нем языков. Помимо вербальных знаков, политической символики, эмблематики, семиотики зданий и пространства существенное значение приобретает паралингвистика [Шейгал 2004: 13]. Ключевые области применения дискурсивного подхода в политической лингвистике связывают с обнаружением специфики политического мышления коммуникантов, анализируя их вербальные и невербальные данные в политическом медиапространстве. Медиадискурс — это «связный вербальный или невербальный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина 2014: 5].

2. Целью предлагаемой вниманию читателей статьи является выявление мотивации использования говорящим тех или иных невербальных единиц, их влияния на адресата, а также сравнение восприятия жестов, демонстрируемых участниками политической дискуссии, с их использованием и восприятием вне политического дискурса. В наши дни имеется немало работ, посвященных описанию русской невербалики, а также невербалике других языков. Так, В. А. Лабунская детально рассматривает функции невербального общения. Поскольку данный процесс многофункционален в межличностном взаимодействии, исследователь отметила наиболее релевантные функции. По ее мнению, невербальная коммуникация формирует образ собеседника, регулирует пространственные и временные особенности процесса общения, является показателем статусных и ролевых отношений, указывает на внутреннее состояние коммуниканта, заменяет вербальное высказывание, дополняет или уточняет его и усиливает эмоциональную насыщенность сообщения [Лабунская 1986: 34]. Обозначение социального статуса коммуникантов также позволяет сформировать образы друг друга; определение социального статуса реализуется путем вербальных и невербальных механизмов коммуникативного поведения. Невер-

бальные средства предстают в виде статусных актов, регулирующих поведение коммуникатора, и являются совокупностью феноменов «официального и творческого я» [Могилевич 2007: 52].

Самая большая группа среди невербальных знаков — это значимые движения тела, которые подразделяются на следующие разряды. *Номинативные* — их функция состоит в замене или дополнении вербальных средств, дополнении или дублировании их. Употребляются автономно или одновременно с вербальными средствами. К номинативным относится разнообразие изобразительных жестов — их специфика в том, что они передают сенситивный образ предмета, действия. Часто изобразительный образ является базисом определенного фразеологизма или описательного оборота. *Эмоционально-оценочные* — дают оценку чего-либо (собеседника, его действий, слов, окружающих предметов, событий, иных лиц) в ходе коммуникации. *Указательные жесты* фокусируются на предмете, ориентируют собеседника в пространстве. *Риторические жесты* — жесты, которые имеют усиительный характер, подчеркивают выражаемое содержание, акцентируют или усиливают отдельные части высказывания, текста в общем. Эти жесты способны подчеркивать ритмический рисунок высказывания, коммуникативно значимое членение речи. *Игровые* — шуточные жесты, которые предназначены для игры, развлечения. *Вспомогательные* — жесты, применяемые в основном в качестве физической помощи себе или собеседнику в конкретной ситуации. *Магические* — жесты, используемые в суеверных, обрядовых целях [Стернин 2001: 14].

3. Исследователи политического дискурса разработали особые методики, в частности критический, когнитивный, дескриптивный (описательный) и количественный (контент-анализ) методы. В нашей работе мы использовали два основных метода: дескриптивный и количественный анализ. Цель данной работы — проанализировать видеоролики, учитывая особенности политической коммуникации. При анализе невербального компонента были учтены следующие факторы:

- 1) содержательный аспект;
- 2) цель выступления;
- 3) эмоциональный настрой собеседников;
- 4) общая атмосфера в аудитории.

При исследовании нами были зафиксированы жесты из следующих категорий:

- 1) экспрессивно-выразительные движения (мимика, поза тела, жесты руками, походка);

- 2) тактильные движения (рукопожатия, прикосновения, похлопывание по плечу, поцелуй);
- 3) взгляд (направление, длительность, частота зрительного контакта);
- 4) движение в пространстве (ориентация, дистанция, направление, размещение за столом).

Для анализа невербального компонента был использован видеоматериал из различных российских телепередач. Данные передачи представляют собой беседу телеведущего и приглашенного политического лидера для обсуждения актуальных вопросов в России и мире. Преимущественно беседа ведется в форме диалога. Камеры в студии сфокусированы на столе переговоров, а также на каждом собеседнике в отдельности. Данные ракурсы значительно упрощают наблюдение и фиксирование невербальных приемов. В нашей работе будет анализироваться невербальное сообщение как телеведущего, так и его гостя. Это позволит сделать сравнительный анализ и выяснить, влияет ли экспрессивное поведение одного собеседника на другого и каким образом. Интерпретация жестов русскоязычной коммуникации осуществляется при помощи «Словаря языка русских жестов» [Крейдлин 2001], в котором учитывается фактор национальной специфики. Также в ходе эксперимента мы учитываем мнения опрошенных, кому было предложено прокомментировать тот или иной жест, однако без контекста, в котором он был продемонстрирован. Целью данного эксперимента является сравнение использования жестов в контексте политического дискурса и интерпретация этого же жеста в бытовой ситуации. Мы склонны полагать, что употребления жестов будут опираться на конкретный дискурс, а значит, могут различаться среди представителей власти и обывателей. Примечательно, что компетентность в области невербального общения

является неотъемлемой частью российской деловой этики, которой неизменно должен владеть телеведущий. Г. Е. Крейдлин в своей статье разделяет жесты на два типа — это жесты, несущие информацию, которую жестикулирующий в диалоге намеренно передает адресату (так называемые **коммуникативные эмблемы**), а также жесты, которые спонтанно выражают чувства или отношения (**симптоматические эмблемы**). Среди коммуникативных эмблем выделяется три подкласса. Самый большой по объему подкласс образуют коммуникативно нейтральные, или **общекоммуникативные жесты**.

4. Для анализа невербальных знаков нами было просмотрено несколько видеороликов. Данные диалоги послужили полем для сбора невербальных единиц, которые были распределены по вышеуказанным типам. Также нами был проведен опрос 10 респондентов, перед которыми ставилась задача предположить вне контекста, что означает тот или иной жест в бытовой ситуации.

Рассмотрим данный класс на примерах **жестов политика и телеведущего**: «Кому **выгодно** это все?», «Не было той конкретики, как помочь **выжить** простому человеку» — резкий кивок головой назад. Явное ощущение недовольства, осуждения. Данный жест нечасто встречается в бытовой ситуации и был рассмотрен опрашиваемыми аналогично как отрицательный. Некоторые опрашиваемые пояснили, что резкость для них свидетельствует о пренебрежении.

«**Первое**, я так скажу, это **США** (пауза), это **Россия** (пауза), это **Китай**», «мы говорим **о конституции**, о **новых пунктах**», которые мы хотим внести». Выпад корпуса вперед с интенцией подчеркнуть релевантную информацию. Однако, как заявили многие опрошенные, данный жест может рассматриваться как признак агрессии, желание приугнуть собеседника.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

«А у нас в России? **Отъедьте от Красноярска на 50 км** — нету медицины». Резкий кивок головой в сторону как указание дальности. Данный жест практически совпадает с ожиданиями респондентов, но есть мнения, что это движение указало бы на обратный путь, движение назад, регресс, указание на другого человека (возможно, низшего социального статуса). «**Они очень болезненно один вопрос подняли**», «Что мы можем? Мы ничего не можем — мы **не хотим. Мы сознательно не хотим этого**, я к этому пришел выводу», «**Ведь я тогда говорил!**» Кисть руки зажата в кулак, выбрасывается указательный палец. Данный жест демонстрируется в непосредственной близости к корпусу говорящего, что подчеркивает его личную причастность к обсуждаемой ситуации, в частности его авторитетное резюмирующее мнение.

Рис. 4

«...Если вы видите **это** интервью...» — левая кисть руки, ранее слегка собранная в кулак, раскрывается, при этом кончики пальцев однократно касаются листа (с заготовленными политику вопросами). Кинема уточняющего характера с физическим контактом. Опрошенные подтвердили значение данной кинемы, дали уточняющее значение доверия в отношении к собеседнику (очевидно, этому поспособствовала раскрытая ладонь).

Жест «троекратное постукивание кулаком» по столу является реакцией на слова политика: «Сегодня не все такие устойчивые, например, как ты, Дмитрий». Отклик славянской мифологии (примета — не навлечь на себя беду) можно проследить в реакции ведущего на информацию, что коронавирусная инфекция его не коснулась. Все респонденты указали на эту же примету.

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

«...В тысячу раз меньше. Вот оно могущество наше **державное российское** на фоне той же Америки», — говорящий резко выбрасывает обе руки вверх, при этом кисти плотно скаты в кулак. Данный жест в текущем контексте обозначает народное единение, силу. Согласно ситуации, этот жест ироничен и противопоставляется содержанию реплики. По мнению опрошенных, данный жест является крайне агрессивным, выражает открытую угрозу, возможно, физическую расправу. Руки наверху говорят о демонстрации авторитета, силы перед противником.

«Не надо ему делать комплимент», «...это люди, которые не переобуваются в воздухе и не лицемерят», — горизонтальное движение головой из стороны в сторону в значении отрицания. Глаза двигаются в сторону поворота головы. Жест отрицания, несогласия, неприятия обсуждаемой информации. Данный жест совпадает с представлением опрашиваемых. Некоторые коммуникативные эмблемы содержат в своей семантике указание на участников актуальной ситуации общения, на объект и его параметры, на место и время, релевантные для этой ситуации. Например, для невербального выражения смысла «я» европейцы и русские часто показывают указательным пальцем или рукой на область сердца или груди. **«Ты же знаешь, я всегда...»** — правая рука до локтя поднимается, ладонь делает указывающий жест в сторону журналиста. Данный жест, помимо указательной функции, говорит о намерении подчеркнуть доверительные отношения среди говорящих. Опрашиваемые подтвердили указательную функцию жеста, однако пояснили, что, с точ-

ки зрения этики, он уместен только в личной беседе или вовсе нежелателен для указания на человека. Неспроста детей просят не указывать пальцем на объект, а называть его.

«Я лично — историк и изучал **ГУЛАГ** и всё остальное...», «например, что бы **я** сделал...» — рука может быть ската в кулак или же раскрыта ладонью к себе и прижимается к груди говорящего. Жест-аргумент — в данном случае говорящий обращает внимание на свой личный опыт и считает его весомым доводом. Большинство респондентов отметило, что данный жест призывает к доверию к словам говорящего. Были мнения, что кулаком (ладонью или пальцем) человек просто может указывать на себя.

Были замечены следующие мимические реакции.

При прослушивании вопросов интервьюера взгляд политического лидера направлен прямо на собеседника, замечается появление межбровных мимических морщин. **«Все то, что они пытаются перекрывать...»** Так говорящий выражает свое негативное отношение — прищуривание выражает эмоцию подозрительности. Большинство респондентов отметило данную реакцию как стремление разглядеть что-то (т. е. преодоление физического барьера, слабое зрение), далее как стремление поддеть человека (в совокупности с улыбкой), выражение открытого недоверия.

«А почему? А потому что Россия кормит Запад». Глаза широко распахнуты, брови высоко подняты. Эмоция удивления. Политик обращается с вопросом к телеведущему, однако очевидно, что в данном контексте вопрос был поставлен риторически.

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

«**Ты** же знаешь, я всегда...» — взгляд резко направляется наверх, отмечается наморщивание лба (стремление вверх), что делает взгляд более открытым, стремление подчеркнуть доверительные отношения с интервьюером, убедить его в своей честности. Данный жест показался респондентам знаком удивления от позитивного или негативного триггера. Элемент манипулирования в данной мимической реакции никто не отметил.

«...Меня трудно **как-то** **чем-то** расстроить или...» — взгляд дублирует наклоны головы из стороны в сторону, показывая диапазон сфер возможных негативных ситуаций. По мнению опрошенных, данный жест выражает сомнение, неуверенность, отрицание, горе, бессилие.

«**Первое**, я так скажу, это **США** (пауза), это **Россия** (пауза), это **Китай**». Наблюдается усиленное моргание, которое свидетельствует о возбужденной реакции говорящего (в контексте недовольства, делается сопоставление и перечисление недостатков каждой стороны); беглый взгляд, на ключевых словах спикер делает паузу, при этом закрывает глаза, а затем фокусируется на журналисте, как бы взвывая к его реакции, комментарию. Еще одна неоднозначная реакция, вызвавшая разнообразные мнения у опрошенных. Моргание глаз, по словам участников опроса, свойственно лжецам, также может служить знаком трепетания, страха. Отмечена и реакция презрения.

«**У нас тоже есть и либералы, и демократы, которые активно участвуют в другой стороне**». Наблюдается незначительный статический поворот головы, взгляд сфокусирован на собеседнике, моргания исключены, устойчивое прищуривание, которое свидетельствует о недоверчивом отношении к информации, возможно и выражение презрения. Данный жест был рассмотрен как вызов, обращенный к собеседнику, ожидание его комментария; напористый взгляд рассматривают как элемент давления на собеседника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На данных примерах очевидно, как политики перед камерой используют арсенал невербалики, отличный от обычного сопровождения речи. Мимические выражения, взгляд и жесты вышеупомянутых политических лидеров образуют индивидуальный невербальный профиль. Все составляющие такого профиля имеют pragmaticкий, социальный и эмоциональный компонент и восходят к персональному идиостилю коммуниканта. Говоря об эффективности общения, стоит подчеркнуть, что совокупность

невербальных знаков объединяется в поведенческий паттерн, который помогает политику произвести желаемое pragmaticкое воздействие. При помощи невербальных знаков коммуникант показывает свое отношение к собеседнику, к ситуации, к окружающей обстановке. Информация, передаваемая через различные невербальные каналы, способна оказывать влияние на собеседника и формировать у него тот или иной образ, закладываемый коммуникантом. Принципиальным условием является правильное распознание и интерпретация невербальных посланий. Управляя своим неречевым поведением, человек способен овладеть эффективным средством вступления в контакт с другим коммуникантом и влиять на него в процессе общения. Все вышеупомянутые составляющие формируют имидж политика, который он использует в pragmaticических целях в контексте политического дискурса.

ИСТОЧНИКИ

1. Видеоматериал № 1. «Зачем власти разжигают панику из-за коронавируса?» // YouTube : сайт. — 2020. — Длительность: 36 мин. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bC9-nlvUp2U> (дата обращения: 19.10.2020). — Изображение (движущееся ; двухмерное) : электронное.
2. Видеоматериал № 2. Грудинин: «Сталин наш лучший лидер за 100 лет» // YouTube : сайт. — 2020. — Длительность: 71 мин. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=_IPXiNIXuFI (дата обращения: 19.10.2020). — Изображение (движущееся ; двухмерное) : электронное.
3. Видеоматериал № 3. «О стабильности и застое в экономике (интервью ТАСС)» // Президент России : сайт. — 2020. — Длительность: 7 мин. 15 с. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62931> (дата обращения: 19.10.2020). — Изображение (движущееся ; двухмерное) : электронное.
4. Видеоматериал № 4. Интервью с Сергеем Собяниным о фестивале «Московское лето» // YouTube : сайт. — 2015. — Длительность: 12 мин. 18 с. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E0GcPE-yQMQ> (дата обращения: 19.10.2020). — Изображение (движущееся ; двухмерное) : электронное.
5. Видеоматериал № 5. Борис Немцов: «Чего боится Путин?» // YouTube : сайт. — 2014. — Длительность: 54 мин. 54 с. — URL: <https://youtu.be/u15XaoJ8LpA> (дата обращения: 19.10.2020). — Изображение (движущееся ; двухмерное) : электронное.

ЛИТЕРАТУРА

6. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель. — Санкт-Петербург : Азбука, 2014. — 320 с. — Текст : непосредственный.
7. Борисова, Е. Г. Политическая лингвистика или лингвополитология? / Е. Г. Борисова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика: проблематика, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27.11.2015) / гл. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2015. — 248 с.
8. Грищева, Е. С. Современный политический дискурс в контексте коммуникативной и языковой pragmatики : монография и системный словарь-справочник «Язык политика» / Е. С. Грищева, Е. В. Кобец, И. В. Пекарская, Е. А. Шпомер ; под.ред. И. В. Пекарской. — Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2012. — 284 с. — Текст : непосредственный.
9. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Москва : Прогресс, 1989. — 311 с. — Текст : непосредственный.

10. Желтухина, М. Р. Воздействие медиадискурса на адресата : учеб. пособие/ М. Р. Желтухина. — Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. — 91 с. — Текст : непосредственный.
11. Карасик, В. И. Языковое проявление личности / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2015. — 384 с. — Текст : непосредственный.
12. Крейдлин, Г. Е. Словарь русских жестов / Г. Е. Крейдлин. — Москва : Языки русской культуры ; Вена : Венский славистический альманах, 2001. — 256 с. — Текст : непосредственный.
13. Крейдлин, Г. Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге: II Б. Дейтические жесты и речевые акты / Г. Е. Крейдлин. — Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Междунар. конф. «Диалог-2008» (Бекасово, 4—8 июня 2008 г.). — Москва, 2008. — Вып. 7 (14). — С. 248—253.
14. Лабунская, В. А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход) / В. А. Лабунская. — Изд-во Ростовского ун-та, 1986. — 136 с. — Текст : непосредственный.
15. Могилевич, Б. Р. Социально-политический дискурс в контексте межкультурной коммуникации / Б. Р. Могилевич. — Саратов : Научная книга, 2007. — 161 с. — Текст : непосредственный.
16. Павлова, Е. К. Проблемы взаимопонимания в глобальном политическом дискурсе : моногр. / Е. К. Павлова. — Москва : МАКС Пресс, 2012. — 386 с. — Текст : непосредственный.
17. Русакова, О. Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс / О. Ф. Русакова. — Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2012. — 400 с. — Текст : непосредственный.
18. Стернин, И. А. Модель русского невербального коммуникативного поведения / И. А. Стернин. — Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. — 159 с. — Текст : непосредственный.
19. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 254 с. — Текст : непосредственный.
20. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.

E. V. Zhuravleva

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4412-0843

E-mail: Ekawit745@gmail.com.

Specific Features of the Non-Verbal Component of Political Communication (On the Example of Russian TV Shows)

ABSTRACT. The article explores the non-verbal component on the material of political television communication. The author focuses on a number of issues related to the peculiarities of the influence upon the listener of the non-verbal component in the political environment in the context of media discourse. Specifically, the author singles out elements of non-verbal kinds of communication. They are classified both from the point of view of types of non-verbal means of communication (kinetics, oculistics, gestures, etc.) and from the point of view of their meaning in the given context. The latter if compared with the meaning registered in the dictionaries of gestures and other non-verbal signs. Video fragments of modern Russian television communication, namely interviews of political leaders and TV presenters, were chosen as the material of the study. Methodologically, the author relies on the achievements and categories of linguistic semantics, pragmatics, theory of speech genres, and text theory. The aim of the current study is to reveal the motivation to use certain non-verbal units by speakers, to identify their influence on the addressee, and to compare the perception of the gestures, demonstrated by the participants in political debate, outside political discourse. The study shows that politicians demonstrate a whole set of gestures and facial expressions, which differs from everyday communication. Within the framework of political discourse, the pragmatic, social and emotional components form the profile of the communicant, which allows speaking about their personal idiosyncrasies. Thus, the image that the communicant lays down has a direct influence on the interlocutor, deliberately manipulating them. This makes it possible to speak about effective communication, which is facilitated by the whole complex of the non-verbal signs. By acting pragmatically, these components form the image of a politician, which they use for pragmatic purposes in the context of political discourse.

KEYWORDS: journalism; media linguistics; media texts; mass media; language means; political discourse; political linguistics; political communication; non-verbal communication; Russian television; TV communication; public communication; politicians; TV presenters; linguistic semantics; interview; political rhetoric; speech genres; speech.

AUTHOR'S INFORMATION: Zhuravleva Ekaterina Vital'evna, Post-Graduate Student, Institute of Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Zhuravleva, E. V. Specific Features of the Non-Verbal Component of Political Communication (On the Example of Russian TV Shows) / E. V. Zhuravleva // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 33-41. — DOI 10.26170/pl20-06-04.

MATERIALS

1. Video No 1. “Why are the authorities stirring up panic over the coronavirus?” // YouTube: site. — 2020. — Duration: 36 min. [Videomaterial № 1. «Zachem vlasti razzhigayut paniku iz-za koronavirusa?» // YouTube : sayt. — 2020. — Dlitel'nost': 36 min.]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bC9-nlvUp2U> (date of access: 19.10.2020). — Image (moving ; 2D) : electronic. — (In Rus.)
2. Video No. 2. Grudinin: “Stalin is our best leader in 100 years” // YouTube: website. — 2020. — Duration: 71 min. [Videomaterial № 2. Grudinin: «Stalin nash luchshiy lider za 100 let» // YouTube : sayt. — 2020. — Dlitel'nost': 71 min.]. — URL:

https://www.youtube.com/watch?v=_IPXiNIXuFI (date of access: 19.10.2020). — Image (moving ; 2D) : electronic. — (In Rus.).

3. Video No. 3. “On stability and stagnation in the economy (interview to TASS)” // President of Russia: website. — 2020. — Duration: 7 min. 15 s. [Videomaterial № 3. «O stabil'nosti i zastoe v ekonomike (interv'yu TASS)» // Prezident Rossii : sayt. — 2020. — Dlitel'nost': 7 min. 15 s.]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62931> (date of access: 19.10.2020). — Image (moving ; 2D) : electronic. — (In Rus.).

4. Video No. 4. Interview with Sergei Sobyanin about the Moscow Summer festival // YouTube: website. — 2015. — Dura-

tion: 12 min. 18 s. [Videomaterial № 4. Interv'yu s Sergeem Sobyaninym o festivale «Moskovskoe leto» // YouTube : sayt. — 2015. — Dlitel'nost': 12 min. 18 s.]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E0GcPE-yQMQ> (date of access: 19.10.2020). — Image (moving ; 2D) : electronic. — (In Rus.).

5. Video № 5. Boris Nemtsov: "What is Putin afraid of?" // YouTube: site. — 2014. — Duration: 54 min. 54 s. [Videomaterial № 5. Boris Nemtsov: «Chego boitsya Putin?» // YouTube : sayt. — 2014. — Dlitel'nost': 54 min. 54 s.]. — URL: <https://youtu.be/u15XaoJ8LpA> (date of access: 19.10.2020). — Image (moving ; 2D) : electronic. — (In Rus.).

REFERENCES

6. Aristotle. Poetics. Rhetoric / Aristotle. — St. Petersburg : Azbuka, 2014. — 320 p. — Text : unmediated. [Poetika. Ritorika / Aristotel'. — Sankt-Peterburg : Azbuka, 2014. — 320 s. — Tekst : neposredstvenny]. — (In Rus.)
7. Borisova, E. G. Political Linguistics or Linguistic Political Science? / E. G. Borisova. — Text : unmediated // Political Linguistics: problems, aspects of research and prospects for the development of a scientific direction : materials of the Intern. scientific. conf. (Ekaterinburg, 27.11.2015) / ed.-in-chief A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. l.], 2015. — 248 p. [Politicheskaya lingvistika ili lingvopolitologiya] / E. G. Borisova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika: problematika, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 27.11.2015) / gl. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2015. — 248 s.]. — (In Rus.)
8. Grishcheva, E. S. Modern Political Discourse in the Context of Communicative and Linguistic Pragmatics : monograph and system dictionary-reference book "Language of Politics" / E. S. Grishcheva, E. V. Kobets, I. V. Pekarskaya, E. A. Shpomer ; ed. I. V. Pekarskaya. — Abakan : Publishing house of the Khakassiya State Univ. n. a. N. F. Katanov, 2012. — 284 p. — Text : unmediated. [Sovremenny politicheskiy diskurs v kontekste kommunikativnoy i yazykovoy pragmatiki : monografiya i sistemnyy slovar'-spravochnik «Yazyk politikax» / E. S. Grishcheva, E. V. Kobets, I. V. Pekarskaya, E. A. Shpomer ; pod.red. I. V. Pekarskoy. — Abakan : Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova, 2012. — 284 s. — Tekst : neposredstvenny]. — (In Rus.)
9. Dyck, T. A. van. Language. Cognition. Communication / T. A. van Dyck. — Moscow : Progress, 1989. — 311 p. — Text : unmediated. [Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya / T. A. van Deyk. — Moskva : Progress, 1989. — 311 s. — Tekst : neposredstvenny]. — (In Rus.)
10. Zheltukhina, M. R. Impact of Media Discourse on the Addressee : teaching aid / M. R. Zheltukhina. — Volgograd : Publishing house of VGSPU "Change", 2014. — 91 p. — Text : unmediated. [Vozdeystvie mediadiskursa na adresata : ucheb. posobie/ M. R. Zheltukhina. — Volgograd : Izd-vo VGSPU «Pere-mena», 2014. — 91 s. — Tekst : neposredstvenny]. — (In Rus.)
11. Karasik, V. I. Linguistic Manifestation of Personality / V. I. Karasik. — Moscow : Gnosis, 2015. — 384 p. — Text : unmediated. [Yazykovoe proyavlenie lichnosti / V. I. Karasik. — Moskva : Gnosis, 2015. — 384 s. — Tekst : neposredstvenny]. — (In Rus.)
12. Kreydlin, G. E. Dictionary of Russian Gestures / G. E. Kreydlin. — Moscow : Languages of Russian Culture ; Vienna : Vienna : Slavic Almanac, 2001. — 256 p. — Text : unmediated. [Slovar' russkikh zhhestov / G. E. Kreydlin. — Moskva : Yazyki russkoy kul'tury ; Vena : Venskiy slavisticheskiy al'manakh, 2001. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
13. Kreydlin, G. E. Mechanisms of Interaction of Non-verbal and Verbal Units in Dialogue: II B. Deictic Gestures and Speech Acts / G. E. Kreydlin. — Text : unmediated // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: proceedings of the Intern. conf. "Dialogue-2008" (Bekasovo, 4—8 June 2008). — Moscow, 2008. — Iss. 7 (14). — P. 248—253. [Mekhanizmy vzaimodeystviya neverbal'nykh i verbal'nykh edinits v dialoge: II B. Deykticheskie zhesty i rechevye akty / G. E. Kreydlin. — Tekst : neposredstvennyy // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : trudy Mezhdunar. konf. «Dialogue-2008» (Bekasovo, 4—8 iyunya 2008 g.). — Moskva, 2008. — Vyp. 7 (14). — S. 248—253]. — (In Rus.)
14. Labunskaya, V. A. Nonverbal Behavior (social-perceptual approach) / V. A. Labunskaya. — Publishing house of Rostov University, 1986. — 136 p. — Text : unmediated. [Neverbal'noe povedenie (sotsial'no-perspektivnyy podkhod) / V. A. Labunskaya. — Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1986. — 136 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
15. Mogilevich, B. R. Socio-political Discourse in the Context of Intercultural Communication / B. R. Mogilevich. — Saratov : Scientific Book, 2007. — 161 p. — Text : unmediated. [Sotsial'no-politicheskiy diskurs v kontekste mezhdunar. kommunikatsii / B. R. Mogilevich. — Saratov : Nauchnaya kniga, 2007. — 161 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
16. Pavlova, E. K. Problems of Mutual Understanding in Global Political Discourse : monograph / E. K. Pavlova. — Moscow : MAKS Press, 2012. — 386 p. — Text : unmediated. [Problemy vzaimoponimaniya v global'nom politicheskem diskurse : monogr. / E. K. Pavlova. — Moskva : MAKS Press, 2012. — 386 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
17. Rusakova, O. F. Modern Political Philosophy: Subject, Concepts, Discourse / O. F. Rusakova. — Ekaterinburg : Discourse-Pi, 2012. — 400 p. — Text : unmediated. [Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, kontsepty, diskurs / O. F. Rusakova. — Ekaterinburg : Diskurs-Pi, 2012. — 400 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
18. Sternin, I. A. Model of Russian Non-verbal Communicative Behavior / I. A. Sternin. — St. Petersburg : RGPU n. a. A. I. Herzen, 2001. — 159 p. — Text : unmediated. [Model' russkogo neverbal'nogo kommunikativnogo povedeniya / I. A. Sternin. — Sankt-Peterburg : RGPU im. A. I. Gertseva, 2001. — 159 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
19. Chudinov, A. P. Political Linguistics : textbook / A. P. Chudinov. — 4th ed. — Moscow : Flinta : Nauka, 2006. — 254 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / A. P. Chudinov. — 4-e izd. — Moskva : Flinta : Nauka, 2006. — 254 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
20. Sheygal, E. I. Semiotics of Political Discourse / E. I. Sheygal. — Moscow : ITDGK "Gnosis", 2004. — 326 p. — Text : unmediated. [Semiotika politicheskogo diskursa / E. I. Sheygal. — Moskva : ITDGK «Gnosis», 2004. — 326 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)